

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук КОЗИНЦЕВА Марка Альвиевича **«Ибретнюма-йы девлет» («Назидание государству»)** как источник по истории Османской империи и Крымского ханства в XVIII веке» (спец. 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования)

М. А. Козинцев занимается вопросами османской историографии и источниковедения уже много лет, поэтому представленная работа, несомненно, вызовет интерес в профессиональной среде специалистов-туркологов. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и двух объемных приложений. Избранная тема исследования призвана стать продолжением традиции изучения османоязычных источников, заложенной основателем отечественной османистики Василием Дмитриевичем Смирновым (1846-1922). Однако, при чтении автореферата и текста самой диссертации у меня возник вопрос, почему в названии нет слова «Россия»? Данный источник содержит разнообразные сведения по истории взаимоотношений России, Турции и Крымского ханства. В самой работе в основном рассмотрены материалы по истории русско-турецких отношений. Учитывая все эти обстоятельства, «отмена России», предпринятая М. А. Козинцевым, представляется крайне неудачной новацией.

В Главе 1 (С. 21-83) излагается история изучения данного письменного памятника. До середины XIX в. рукопись была известна в единственном, Парижском, списке. В 1861 г. в Петербурге с Парижского списка снял копию Хусаин Фейзханов. Позже В. Д. Смирнов, оценивая качество работы муллы Фейзханова, написал следующее: «При всех своих занятиях и опытности этот ученый татарин, копируя старинные рукописи, делал промахи, и даже довольно крупные, как это замечено и указано мною прежде по поводу изданного мною «Сборника некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма». СПб., 1881. С. XIV» [цит. по: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005. Т 1. С. 42]. Взяв на себя трудоемкую миссию по изданию этого памятника, В. Д. Смирнов прибег к советам виднейших на тот момент знатоков османского языка – профессора Н. И. Ильминского и бывшего 1-го драгомана русского посольства в Константинополе генерала Д. Н. Богуславского, автора первого перевода Корана с арабского языка на русский. В 1881 г. по Петербургскому списку этот сборник был издан наборным арабским шрифтом. В. Д. Смирнов исправил и восполнил текст по Парижскому списку, как оказалось, также изобилующему ошибками, а, кроме того, определил предполагаемого автора (Кесби) и опубликовал свои переводы фрагментов из этого сборника. Такова история появления на свет и последующего бытования Петербургского списка В 747, который изучен М. А. Козинцевым.

В свое время, выбирая тему и затем работая над ней, и аспирант, и его научный руководитель (профессор И. В. Зайцев) были уверены, что этот источник известен всего лишь в двух вышеозначенных списках (Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV-XIX веков. М., 2009. С. 176; Козинцев М. А. К истории атальчества в Крымском ханстве (по материалам рукописи В 747 из собрания ИВР РАН) // Актуальные вопросы тюркологических исследований: Междунар. науч. конференции XXXIII и XXXIV Кононовские чтения: Материалы конф. / под ред. Н. Н. Телицина. СПб., 2020. С. 147).

Однако судьба преподнесла нашим коллегам подарок: в начале 2020-х гг. им стало известно о существовании давней и уже достаточно богатой традиции изучения этого письменного памятника в Турции. Оказалось, что еще в 2002 г. в Анкаре была осуществлена его публикация (в современной турецкой латинской транскрипции). Ахмет Огретен (Ahmet Ögreten) издал «Ибретнюма-йи девлет» по рукописи Национальной библиотеки рукописей (Ali Emiri Efendi, Tarih, nr. 484). Список является черновым вариантом книги (tesvid-i kitap), которую ее автор, вероятно, не смог завершить. Как считает М. А. Козинцев, именно с этого черновика в свое время был снят упомянутый выше Парижский список (С. 47).

В этом же издании опубликован еще один труд Кесби -- сборник официальных документов и других материалов, которые автор «Ибретнюма-йи девлет» частично использовал в своем сочинении. Список этого сборника хранится в библиотеке Стамбульского университета (İÜNEKTÜ 5943). Характеристика этих двух рукописей, определяемых как «сборники» (derleme) дана в: Emecen F. M. İbretnüma-yı Devlet Adlı Eserin Yazarı Mustafa Keskî midir? XVIII. Yüzyılın Bilinmeyen Bir Tarihi Üzerine Notlar // Tarih Dergisi. Sayı 71 (2020/1). S. 199, 5). Оба списка, по мнению М. А. Козинцева (С. 8; 14-15), являются *автографами* [курсив мой. – К. Ж.]. В таких обстоятельствах правомерен вопрос, насколько оправданно отводить кодикологическому описанию рукописи В 747 (дефектному Петербургскому списку 1861 г.) такой значительный объем (С. 21-44) в основном тексте диссертации? Что это дает для раскрытия заявленной темы исследования?

Изложение истории изучения этого памятника в диссертации грешит повторами, иногда встречаются не совсем корректные формулировки. Например, М. А. Козинцев отвергает смиРНОВСКУЮ датировку создания этого сочинения, упрекая первого исследователя и издателя сборника в невнимательности, и объявляет, что окончательная дата, а именно 1213 г. х. / 1798-1799 гг., была установлена «в ходе настоящего исследования» (С. 47, 139). По факту, однако, дата 1213 г. х. встречается еще в «Тарих-и Джевдет» и принята А. Огретеном (Emecen F. M. İbretnüma-yı Devlet Adlı Eserin Yazarı Mustafa Keskî midir? S. 199; Keskî Mustafa Efendi // TDV İA, 2022. Cilt 25. S. 306-307). Отмечу, что именно со ссылкой на Джевдет-пашу В. Д. Смирнов сделал свое предположение об авторстве Кесби, а также высказал мнение, что Джевдет «пользовался данными, заключающимися в сборнике, хотя может быть в иной редакции» (Сборник. С. VIII-IX).

Свою критику В. Д. Смирнова диссертант сопровождает переводом того места в источнике, где упоминается дата и название этого сочинения. Он пишет: «По ходу нашего наблюдения над текстом обнаружилось, что на листе 34 г. упоминается аутентичное заглавие произведения, приведенное *автором* [курсив мой. – К. Ж.] в связи с указанием даты его завершения: «Поэтому составленная вчерне в 1213 году[хиджры] книга «Ибретнюма-йи девлет», если ей уделяется внимание и познаются ее достоинства, по сути своей является назиданием государству» («Bu sebebden tesvîd-i kitâba İbretnümâ-yı Devlet 1213 târîh olmağla dikkat ve mezâyâsına kesb-i ittilâ' dâiyesinde olunur ise zâtında ibretnümâ-yı devletdir»)» (С. 6).

В османском языке заимствованное из арабского слово «девлет» полисеманлично. Почему М. А. Козинцевым выбрано и вынесено в титул своей работы значение «государство»? Если рассмотреть другие значения, например, «удача, успех, процветание», и при этом строго придерживаться грамматических правил, то возможен, например, такой перевод названия книги «Ибретнюма-йи девлет»: «Показывающая поучительные примеры удачи».

Диссертант упустил еще один очень важный момент. Название произведения Кесби одновременно является хронограммой (târîh), передающей цифровыми значениями

арабских букв дату завершения сочинения. Сумма цифровых значений букв, составляющих словосочетание «ибретнюма-йы девлет», равняется 1213 (за вычетом 10, буква «йа» -- показатель персидского изафета), что соответствует 1798-1799 гг. [В смирновском издании (Сборник. С. 46) цифра 1213 напечатана между строк. – К. Ж.]. Кроме того, по правилам турецкой грамматики инфинитив с послелогом *ile* передает содержание предложения образа действия с причинным оттенком. В данных обстоятельствах я бы предложил такой перевод: «... и по этой причине [эта книга] в своей сущности [уже сама собою] является показывающей поучительный пример удачи, если имеется в замысле/желании принять во внимание черновой вариант книги и получить сведения о ее достоинствах, оттого что [название] «Ибретнюма-йы девлет» стало тарихом [т. е. пользоваться черновиком, поскольку работа над самой книгой была прекращена в 1213 году хиджры. – К. Ж.]».

Следует также обратить внимание на контекст данного высказывания, который полностью игнорируется М. А. Козинцевым. В источнике рассмотренную выше фразу по поводу «ибретнюма-йы девлет» предваряет описание дипломатических шагов, завершивших русско-турецкую войну 1735-1739 гг. Затем, после пометки «конец» (*temme*), следует такая вставка: «Писанные и оглашенные договор (*ahitname*) и конвенция о демаркации границы (*hudutname*) равным образом были сообщены без недостатка и излишка. В каких местах [чья теперь] крепость Азов, река Дон и река Кубань? За пределами [есть больше] высказываний и комментариев, каких величин/степеней в будущем случится/достигнет пограничный ущерб [вред от территориальных потерь] для Османской империи, прерванный к сегодняшнему дню. И по этой причине...» (завершение фразы см. выше в предыдущем абзаце). Исходя из общих соображений, можно предположить, что изначально это был маргинальный комментарий пока не известного нам «рецензента», при позднейшей переписке механически внесенный писцом в основной текст сочинения.

В целом для меня остается не совсем ясным, в чем новизна данного исследования, какие открытия по истории Османской империи и Крымского ханства позволило сделать диссертанту доскональное изучение Петербургского списка сочинения Кесби? Складывается впечатление, что новизна ограничивается заочной полемикой диссертанта с В. Д. Смирновым. С одной стороны, диссертант постоянно подчеркивает приоритет основателя отечественной османистики, а с другой -- полемизирует с ним вот таким образом: «При этом нельзя согласиться с точкой зрения В. Д. Смирнова, рассматривавшего «Ибретнюма-йы девлет» как сборник. На наш взгляд, это сочинение не может считаться сборником как таковым» (С. 81). И еще пример используемой аргументации: «Ученый детально очертил тематику разделов текста, но воздержался от его рассмотрения в качестве произведения мусульманской исторической литературы. Говоря о начальных разделах, содержащих, в частности, краткое изложение истории первых халифов, исследователь высказал резкое сомнение в их содержательной ценности, сочтя эту часть текста «чистым балластом по своей банальности» ... Однако данная уничижительная оценка не соответствует объективному статусу текста как памятника османской историографии, развивавшейся в русле мусульманской историографической традиции» (С. 47). На мой взгляд, по меньшей мере неуместным является здесь определение «уничижительная», примененное диссертантом по отношению к профессиональной и, надо сказать, вполне объективной смирновской оценке рутинных частей рассматриваемого текста.

М. А. Козинцев определяет данный памятник как своего рода дидактический трактат, причем, весьма оригинальным образом. Он пишет: «Претензия автора на дидактическую направленность сочинения косвенно проявляется во включении в текст произведения другого автора. О примере для подражания, которому стоит следовать при решении

проблем, Кесби говорит словами Мехмеда Саида Йирмисекиз Челеби-заде, чей отчет о посольстве в Швецию помещен в конце «Ибретньюма-йы девлет» (С. 81-82). Замечу, что это, на мой взгляд, безосновательное высказывание относительно писательской манеры Кесби (прием «включения» другого автора) дает диссертанту формальный повод заполнить значительный объем своей работы пересказом данного сефаретнаме и переводом из него ряда фрагментов (С. 111-118; 165-173). Попутно внесу здесь такие поправки: сефаретнаме Мехмеда Саида-эфенди (описание османского посольства в Швецию в 1732-1733 гг.) известно не в одном, как полагает диссертант, а в двух списках (оба в библиотеке дворца Топкапы), а также по изданию 1911 г. в ТОЕМ. Этот источник не обойден вниманием турецких исследователей (см., например, Korkut H. Osmanlı elçileri gözüyle Avrupa. İstanbul, 2007. S. 31-32 и др.). К этому добавлю, что неоправданно большое место отведено в диссертации еще одному источнику, а именно -- сведениям генерала российской службы В. Левендаля о состоянии русской армии в начале 1740-х гг. (С. 128-134; 183-190).

Эклектичный Параграф 3 первой главы: «Сочинение «Ибретньюма-йы девлет» в контексте традиционной османской историографии в XVIII в.» дает мне возможность обратиться к Списку литературы. Он небогат, изобилует статьями из различных справочных изданий, кроме того, в нем в избытке встречаются работы общего характера, имеющие весьма отдаленное отношение к заявленной теме. Вместе с тем в Списке отсутствуют труды, которые непременно надо было бы использовать, как, например, образцовая монография Вирджинии Аксан об Ахмеде Ресми: Aksan V. H. An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700-1783. Leiden, 1995. Представляется, что ввести «Ибретньюма-йы девлет» в историко-литературный контекст диссертанту не удалось. Параграф 3 во многом заполнен перечислением хорошо известных имен и фактов, не имеющих прямого отношения к теме диссертации (например, история создания и репертуар изданий первой турецкой типографии).

В диссертации не раскрыта авторская мотивация Кесби. Первый вариант, характерный для последних десятилетий XVIII в., мог быть таков: «Ибретньюма-йы девлет» -- это труд с прицелом на возможный государственный заказ в условиях неизменных, несмотря на временный союз против Франции, реваншистских настроений части османской элиты в отношении России. Таков был случай Ахмеда Джавид-бея, который составил свою антологию на рубеже веков по заказу султана Селима III. В нее вошли извлечения о русско-турецких отношениях в 1623-1799 гг. из работ османских придворных историографов от Наима до Энвери. В приложении дается «Сок достопримечательного» Ахмеда Ресми-эфенди — своего рода бестселлер на тему русско-турецких отношений в XVIII в., в котором автор, в частности, сравнивает порядки в российской и османской армиях во время войны 1768-1774 гг. Антология опубликована: Osmanlı-Rus ilişkileri tarihi (Ahmed Câvid Bey'in Müntehabâtı). Hazırlayan A. Baycar. İstanbul, 2004, но в Списке литературы ее нет. Для темы диссертации фигура Ахмеда Джавид-бея (по службе пересекался с Кесби) имеет очень важное значение. Известно, например, что текст его другого сочинения (İÜNEKY 5945), тоже названного «Ибретньюма-йы девлет», имеет ряд совпадений с одноименным произведением Кесби (Arslantürk A., Bozkurt F.18. Yüzyılın İkinci Yarısına Dair Önemli Bir Osmanlı Tarihi: İbretnümâ-yı Devlet-i Câvid // Sosyal ve Kültürel Araştırmalar Dergisi. Cilt II, Sayı 3, 2016. S. 155-193), но эта тема в диссертации не затрагивается.

Примером другого варианта, подразумевающего мотивацию, вызванную осознанием необходимости рецепции европейского опыта для рациональных преобразований в Османской империи в связи с военными неудачами, является случай уже упомянутого выше Ахмеда Ресми-эфенди, а также случай Эбу Бекира Ратиб-эфенди, главы и автора описания

османского посольства в Австрию в 1791-1792 гг. (см. Жуков К. А., Жевелева А. В. Образ Европы и России в произведениях османских авторов XVIII в. СПб., 2014).

В случае Кесби мы имеем дело с автором-традиционалистом. Полезные соображения по этому поводу высказаны Я. Шмидтом (Schmidt J. Mehmed Hâşim Efendi's Memorandum (Mecmu'a) on Circassia of 1213 (1798-9): Contents, Style, Textual, History and a Hitherto Unknown Autograph Kept in the Library of Leiden University // *Osmanlı Araştırmaları*, XXVI (2005). P. 421-423; 478-479), чье исследование осталось не известным диссертанту. Кроме того, заслуживают самого пристального внимания наблюдения В. Д. Смирнова над авторской манерой Кесби: склонность к иронии, иногда сарказму, употребление острот и каламбуров (эта тема практически обойдена в диссертации).

В Главе 2 (С. 84-135) делается попытка классифицировать разнообразные материалы, включенные Кесби в состав своих сборников. Различным аспектам истории и культуры Крымского ханства в работе М. А. Козинцева отведено сравнительно скромное место (С. 84-90; 99-106; 159-165). Главная роль принадлежит материалам по истории русско-турецких отношений. Напомню, однако, что самой России в названии диссертации места не нашлось.

Итак, в основном в Главе 2 рассмотрены те материалы по русско-турецким отношениям, которые, как пишет М. А. Козинцев, не вошли «итоговый текст» «Ибретнюма-йы девлет» (С. 174). Иными словами, диссертант рассматривает исторические сведения и документы из второго сборника Кесби, имеющего характер собрания подготовительных материалов. Так, например, в Параграфе 4 (С. 118-135) дан обзор включенных в состав Стамбульского университетского списка переводов писем русских государей османским султанам (С. 118-128). В частности, рассмотрено послание Петра I султану Ахмеду III от 30 сентября 1721 г. (ст. ст.), извещающее о победе в Северной войне, а также послание императора Иоанна Антоновича, названное в диссертации «кратким письмом» (С. 123-128). В 1739-1741 гг. решался вопрос о признании Турцией императорского титула за российскими царями, поэтому автор трактует вопросы перевода титулатуры российских самодержцев на османский язык (С. 108-111; 120-128). Мои работы по данной теме в диссертации не учтены. (Жуков К. А. Восточная титулатура Петра I в Астраханском манифесте от 15 июля 1722 г. // *Тюркологический сборник 2011-2012 гг.* М., 2013. С. 138-150; Он же: Еще раз об Астраханском манифесте Петра Великого от 15 июля 1722 г. // *Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии СПбГУ / Сб. статей под ред. Н.Н. Телицина и Й.Н. Шена.* СПб., 2016. С. 442-449).

Вне поля зрения диссертанта осталось турецкое издание переписки Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны с султаном Махмудом I (Aktepe M. Mehmed Emnî beyefendi (paşa)'nin Rusya sefâreti ve sefâret-nâmesi. Ankara, 1989. 2-ci baskı. S. 128-137). Из этой переписки следует, что так называемое «краткое письмо» по факту является выдержкой из послания Иоанна Антоновича от 11 ноября 1740 г. (ст. ст.), извещающего о кончине Анны Иоанновны (Актепе. С.128-129). 24 мухаррема 1154 / 11 апреля 1741 г. – дата, когда это послание было получено в Константинополе. Применительно к российским государям императорский титул в официальной переписке начинает использоваться османцами с третьей декады октября 1741 г. (Актепе. С. 134-137). Кроме того, письменное обязательство (temessük) впредь придерживаться такой практики дал османский посол Мехмед Эмни-паша, находившийся в Петербурге с апреля по декабрь 1741 г. (Unat F. R. *Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri.* Ankara, 1987. 2-ci baskı. S. 80).

И, наконец, диссертант уделил много внимания османскому тексту Белградского мирного договора 1739 г. (С. 106-118) Текст по публикации А. Огретена дан в Приложении (С. 174-180). М. А. Козинцев делает предварительную попытку сопоставить этот документ с опубликованным русским текстом договора. Ошибочно считая последний переводом с турецкого, диссертант выражает уверенность в продуктивности такой работы для будущих штудий в области османского языка. Замечу, однако, что русский текст является переводом не с турецкого, а с итальянского, ибо мирный договор заключался при посредничестве французского посла в Константинополе маркиза де Вильнева, который изначально представил обеим сторонам свой проект на итальянском языке. Беловой текст договора был подготовлен в двух экземплярах: по-турецки и по-итальянски.

Итак, как в целом можно охарактеризовать работу М. А. Козинцева? Представляется, что ответить на этот вопрос можно, обратившись к смирновской характеристике изданного в 1881 г. Петербургского списка: «Предлежащее издание, как значится в оглавлении, есть сборник. Другого названия ... и нельзя было бы дать турецкой рукописи, по внешности представляющей как будто одно целое, в действительности же заключающей в себе самые разнообразные вещи» (Сборник. С. III). В сущности, на данном этапе такой же сборник интересных и разнообразных исторических материалов представляет собой работа диссертанта. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

22.08.2024 г.

/Жуков Константин Александрович/

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб. 11. E-mail: konstantin.zhukov2011@yandex.ru ; k.zhukov@spbu.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
ДОКУМЕНТ ПОДГОТОВЛЕН ПО ЛИЧНОЙ
ИНИЦИАТИВЕ

22 АВГ 2024

